

УДК 1 (091)

DOI:10.17223/1998863X/52/12

В.А. Суровцев

О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ *TO LEKTON* В ФИЛОСОФИИ СТОИКОВ И *SINN* В СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ Г. ФРЕГЕ: ЛОГИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

*Проводится сравнительный анализ категории стоиков *to lekton* и категории Г. Фреге *Sinn*. Эксплицируются некоторые формальные черты этих категорий, которые демонстрируют сходство логико-грамматических теорий стоиков и Фреге. Показано, что некоторые логико-грамматические аспекты функционирования *to lekton* и *Sinn* позволяют уточнить, какую роль они играют в установлении логических взаимосвязей знания и получения выводов.*

Ключевые слова: логика стоиков, *to lekton*, Г. Фреге, *Sinn*, семантическая теория, *axiōta*, *Gedanke*, компаративные исследования, античная и современная логика.

В работе [1] рассматривался структурный параллелизм, имеющий место между семантическими теориями стоиков и Г. Фреге. Этот параллелизм, как правило, выводится из своеобразной трехчленной трактовки отношения наименования, где помимо лингвистического выражения и обозначаемого этим выражением внеязыкового объекта выделяется еще и третий элемент, *to lekton* у стоиков и *Sinn* у Г. Фреге. Будучи внеязыковым, этот третий элемент в то же время не относится к разряду вещей окружающего нас мира, а представляет собой способ представленности реального объекта в языковом выражении. Имея относительно самостоятельный статус, этот третий элемент образует объективное содержание языковых выражений и трактуется как свойственный каждому выражению способ указания на то, что оно обозначает. Формальное сходство трехчленной структуры отношения наименования дало основание ряду авторов (см., напр.: [2, 3]) для сближения концепции стоиков с концепцией Г. Фреге, являющегося основоположником современной логической семантики.

Чисто формальных оснований для сближения, однако, явно недостаточно. Семантические теории как стоиков, так и Г. Фреге философски мотивированы и во многом основываются на принимаемых онтологических и эпистемологических предпосылках. Различие онтологического статуса *to lekton* и *Sinn* рассматривалось в работе [4], где, в частности, было показано: тогда как у Г. Фреге смыслы языковых выражений представляют собой экзистенциально независимые сущности, существующие до и помимо субъекта, с которым их связывает особая познавательная способность, понимаемая на манер интеллектуального созерцания, *to lekton* у стоиков не имеет независимого статуса, но всегда неразрывно связан с выражающей его речью и субъектом как ее носителем. Не меньшие различия, как было показано в работе [5], касаются и эпистемологического статуса этого третьего элемента. У стоиков *to lekton*

¹ Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда, проект № 18-18-00057.

зависит от постигающих представлений, обеспечивающих его связь с наличной предметностью, а у Г. Фреге все вопросы эпистемологии, зависящие от процессов восприятия и основанных на них процедур верификации, последовательно выводятся за рамки логической семантики.

Предметом данной статьи являются некоторые логико-грамматические аспекты функционирования *to lekton* и *Sinn*, позволяющие уточнить, какую роль они играют в установлении логических взаимосвязей знания и получения выводов. Вопрос этот интересен уже потому, что в своих логических построениях и стоики, и Г. Фреге отталкиваются именно от теории значения языковых выражений, что усиливает представление о сходстве их позиций, поскольку и в том и другом случае явно задействуются лингвистические ресурсы, а логический анализ отталкивается от логико-грамматических категорий.

Такая позиция стоиков особенно интересно выглядит, например, на фоне логики Аристотеля. У Аристотеля вообще нет теории значения языковых выражений, которая как-то могла бы мотивировать логику. Его система логики связана с онтологическими соображениями, поскольку совсем не важно, как мы говорим и какие выражения при этом используем, главное – о чем говорим. У Аристотеля нет теории значения в том смысле, в котором именно языковые выражения связываются с процессом рассуждения. Основания его представления о логике базируются на эссенциалистской позиции, согласно которой определяющее значение имеют онтологические категории, связывающие процесс рассуждения с тем, о чем мы рассуждаем, а не с тем, какие языковые ресурсы при этом используются. Представление о предзаданной структуре мира определяют, каким образом можно рассуждать. Структура силлогизма и простого атрибутивного суждения определена тем, на чем базируется возможность суждений, как они могут быть связаны и каким образом на этом основании могут быть сделаны выводы из того знания, которое есть, к тому знанию, которое может получиться. Эссенциалистская позиция Аристотеля основана на различении того, что существует само по себе, и того, что существует лишь привходящим образом. Первое – это сущность, второе – это то, что может ей принадлежать согласно различным категориям. Сущность в этом смысле есть то, относительно чего может прилагаться все остальное. Соответственно эссенциалистской позиции представлен и уровень словесного выражения, который произведен от понимания того, что сущность первична, а способы ее выражения вторичны. Лингвистическое выражение сущности производно от того, как она понимается. Так, Аристотель говорит: «Сущность, называемая так в самом основном, первичном и безусловном смысле, – это та, которая не говорится ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем» [б. С. 55]. Сущность как подлежащее атрибутивного суждения определяет его структуру. Все, что можно сказать, предполагается онтологической структурой, понимаемой Аристотелем с точки зрения того, о чем и как идет речь. Есть нечто, и этому нечто что-то приписывается. Отсюда выводится и структура логики, которая лишена теории значения в том смысле, что практически не задействованы ресурсы, связанные со структурой языковых выражений.

Совершенно другое обнаруживается у стоиков. Теория значения образует основную часть стоической диалектики, представляющей собой логиче-

скую теорию в широком смысле. В широком смысле постольку, поскольку помимо собственно логики включает эпистемологию в ее современном понимании (см.: [5]). Причем это широкое понимание связано не с тем, что лежит в основании познания, скажем, сущности и ее определений, но с тем, что может быть выражено в языке. Диалектика – это не знание о том, что существует само по себе и раскрывается в форме суждения, но прежде всего знание того, что может быть истинным и ложным. Сущность же не может быть тем, что является истинным или ложным. Истинным и ложным может быть знание, а знание как раз и выражено в языке. По свидетельству Диогена Лаэртия, «согласно Посидонию, диалектика – это знание истинного и ложного и того, что не является ни истинным, ни ложным, а согласно Хрисиппу – знание об обозначаемом и обозначающем» [7. С. 122, фр. 122]. Таким образом, диалектика прежде всего и по преимуществу связывается с уровнем выражения, а не того, что существует само по себе и может быть представлено до и помимо средств выражения. Особенно интересно здесь мнение Хрисиппа, которое напрямую связывает диалектику со структурами значения языковых выражений, хотя и мнение Посидония заслуживает внимания, поскольку, согласно стоикам, истинным и ложным является то, что выражено в знаках, которые сами по себе не являются ни истинными, ни ложными. Таким образом, собственно диалектика рассматривает не просто логику, но рассматривает ее с точки зрения отношений в рамках структуры обозначения.

Рассмотрение отношения обозначения должно начинаться с исследования природы знаков, т.е. с того, что обозначает. В принципе, именно наличие знака и делает возможным такое исследование. По свидетельству Диогена Лаэртия, «изучение диалектики, по единодушному мнению большинства стоиков, начинается с раздела о звучащей речи» [Там же. С. 74, фр. 13]. В самом общем виде под знаком понимается то, что указывает на нечто, знаком не являющееся, т.е. на наличную предметность. Причем знак – это материальный объект, звучащий или записанный, указывающий на другой материальный объект. У стоиков, как говорит Секст Эмпирик, «телесны – слово и реальный предмет» [Там же. С. 82, фр. 166]. Также и Диоген Лаэртий утверждает, что «по мнению стоиков, звучащая речь – это тело... Действительно, все воздействующее – это тело, а звучащая речь оказывает воздействие, исходя от говорящего к слушающему» [Там же. С. 75, фр. 140]. По сути дела, отношение обозначения или наименования есть соотнесение двух материальных или телесных объектов – произнесенного или написанного, с одной стороны, и воспринимаемой наличной предметности – с другой.

Изучение собственно материальной стороны лингвистического выражения (речи) в таком случае давало бы способ исследования грамматики языка, как оно понимается в современных грамматических теориях (исследование синтаксиса естественного языка). Однако подобный подход нужно понимать с определенной долей условности. С точки зрения стоиков, сама по себе звучащая речь не может служить основанием диалектики, поскольку звуки как таковые остаются просто звуками, если они не несут в себе какого-то смысла. Грамматические преобразования, фиксирующие порядок речи, что с точки зрения современных практик исследований языка достаточно для собственно лингво-грамматического подхода, ориентированного на выделение частей речи и способов их сочетания вне зависимости от того, какой смысл в них

может быть выражен, – это предмет современных синтаксических исследований и меньше всего относится к пониманию стоиками начал диалектики. Вопрос о том, что относится собственно к речи, а речь – это последовательность звуков, отличается от того, что относится к осмысленной речи. В передаче одного из комментаторов стоиков это выражено следующим образом: «Так тот, кто только начинает говорить, произносит отдельные буквы и прочие звуки задолго до того, как научится расставлять все по своим „местам“. Это, с точки зрения Хрисиппа, еще не речь, но „как бы речь“. Ведь подобно тому, как изображение человека не является человеком, точно так же у воронов, ворон и маленьких детей (которые только начинают говорить) слова – это еще не настоящие слова, ибо они не говорят осмысленно» [7. С. 75, фр. 143].

Все дело в том, что звучащая или написанная речь является основанием диалектики не тогда, когда она просто звучит или написана. Главное, что она должна служить пониманию. Речь, т.е. просто звуки или написанные знаки, не является основанием диалектики, если не несет никакого смысла, который мог бы быть передан другому. Звуки сами по себе есть звуки и только, так же и написанные знаки. Например, звуки и символы могут быть восприняты даже тогда, когда для того, кто их воспринимает, они не несут никакого смысла. Передавая идею стоиков, Секст Эмпирик, к примеру, говорит, что есть нечто такое, что «не воспринимают варвары, хотя они и слышат слово» [Там же. С. 82, фр. 166]. Они его не воспринимают постольку, поскольку не понимают следствий, которые оно может повлечь. Смысл заключается в том, что из сказанного (т.е. звучащей речи) должно вытекать некоторое значимое действие, чего не бывает у варваров, таковую речь не понимающих. Звучащая речь и наличная предметность телесны, но сами по себе они никак не связаны, поскольку необходим опосредующий элемент. Именно этим мотивировано введение в отношение обозначения третьей конституенты, встраивающийся в отношение материального знака к тому, что он обозначает. Варвары воспринимают знаки и воспринимают наличную предметность, но у них отсутствует понимание об их взаимодействии, поскольку они не владеют смыслом.

В качестве третьего смыслового элемента *to lekton* вводится в семантическую теорию стоиков именно по причине осмысленности речи, которая, как сообщает Секст Эмпирик, есть «та смысловая предметность, выявляемая в слове, которую мы воспринимаем как установившуюся в нашем сознании» [Там же, фр. 166]. По сути дела, в отношении обозначения, состоящего из трех элементов (обозначающее – обозначаемое – реальный предмет), *to lekton* занимает ведущую позицию, поскольку определяет как осмысленность речи, так и обозначаемую речью предметность, и поэтому исследуется по преимуществу. В трехчленной структуре уже первые комментаторы семантики стоиков прямо указывают на это. К примеру, Секст Эмпирик говорит: «Тело не исследуется (особенно по мнению стоиков), поскольку исследуется только „лектон“, а „лектон“ не является телом» [Там же. С. 84, фр. 170]. Преимущественная роль *to lekton* в семантике стоиков, очевидно, связана с тем, что именно *to lekton* определяет связь телесного, т.е. речи и наличной предметности. И хотя, по свидетельству Диогена Лаэртия, изучение диалектики должно начинаться с раздела о звучащей речи, сам характер этой речи определяется *to lekton*, поскольку сама звучащая речь может быть названа осмысленной

только в этом случае, а не относиться просто к звукам или написанным знакам. Осмысленность речи связана с *to lekton*, сами по себе последовательность звуков и написанных знаков не могут быть соотнесены с наличной предметностью. Здесь обнаруживается особая роль третьего элемента, который, будучи выражен в знаках, соотносит последние с тем, что выражено: «Всякий чистый смысл должен подлежать словесному выражению... А „выразить словом“, как говорят сами стоики, значит произнести слово, которым обозначается мыслимая предметность» [7. С. 83, фр. 167]. Звуки или написанные знаки сами по себе не значат ничего, они лишь являются переносчиками смысла, который связывает одно телесное с другим телесным, а именно то, что выражает, с тем, что выражается. Речь только тогда становится собственно речью, т.е. осмысленной последовательностью знаков, когда она становится понятной, связывая одно телесное с другим. В этом случае общий смысл не зависит от внешней природы знаков, он связан с тем, что знаками выражено, и совсем не важна природа этих знаков. Знаки могут быть разными, но природа понимания должна быть одной.

Знак указывает на обозначаемое, но при условии, что обозначаемое одно, а знаки могут быть разными, если мы понимаем, каким образом, т.е. посредством какого смысла, указано на обозначаемое. Определяющее значение как раз и играет смысл языкового выражения. Основываясь на этом, А.А. Столяров, например, проводит различие между внешней и внутренней речью: «Различие между смыслом и обозначающим его звуком (или писанным словом) иллюстрируется различием между „внутренней“ и „внешней“, т.е. выраженной речью. Первая есть совокупность смыслов, то, что мыслится при произнесении или написании соответствующих слов. Она свойственна только разумным существам (звуки же издают и животные). Различие в словесном выражении одних и тех же смыслов тождественно различию между языками» [8. С. 70]. Сама речь как последовательность звуков не оказывает никакого воздействия, поскольку не содержит никакого сообщения. Только осмысленная речь может привести воспринимающего к действию: «Разумное существо обладает способностью сообщать содержание своего сознания другим разумным существам и воздействовать на них особым средством – словом, т.е. непосредственно механически. Дети и животные не владеют артикулированной речью, не знают синтаксиса – правильной связи слов и корреспондирующих „лектон“, они обладают только „внешней“ речью, которой не соответствуют никакие фиксированные смыслы» [Там же. С. 71]. Внешняя речь как совокупность звуков или написанных знаков не является собственно речью, о которой говорят стоики как о начале диалектики. Диалектика начинается только тогда, когда можно говорить о смысле.

Диалектика у стоиков – это не просто исследование того, что можно было бы изучать как внешнюю форму выражения, т.е. выражения того, что предлагает обыденный язык, хотя они и ориентируются на речь, считая ее началом диалектики. Начало диалектики прежде всего связано со смыслом того, что выражается в языке. Но и как бы могло быть иначе? Звучащая речь – это просто звуки. То, что выражается, – это наличная предметность. Но наличная предметность суть просто факты. Что же тогда их связывает, если одно совершенно не зависит от другого? Каким образом наличное связано с тем, как об этом наличном говорить? Ведь у стоиков и речи не идет о сущно-

стях типа тех, о которых говорит Аристотель. Нет и речи о подлежащем, о котором сказывается все остальное. Все остальное у стоиков определяет *to lekton*. Именно с точки зрения его структуры определяются и способы выражения, и то, что мы стремимся выразить. Формальные способы преобразования зависят от *to lekton* и без него не могут быть выражены. Например, М. Фреде в исследовании о соотношении грамматики стоиков с современными лингво-грамматическими теориями об этой особенности диалектики стоиков говорит так: «В этом разделе диалектики стоики связаны с исследованием того рода вещей, о которых может быть сказано (и следовательно, помыслено). Это исследование приводит нас к критерию, посредством которого мы можем решить, что мы могли бы говорить, а также о том, чего, когда говорят, лучше избегать» [9. С. 308]. Главное в изучении выражений обывденного языка служит не для того, чтобы исследование его особенностей привело к логике. Язык в виде речи есть лишь исходный пункт выявления различий функций разного рода выражений: «Эти, как бы грамматические, различия в отношении диалектики образуют составную часть приспособлений, посредством которых стоики пытаются создать логику» [Там же]. Попытки создать логику на этом основании связаны как раз с речью и с тем, что можно на этом обосновать. Но речь определяется выраженным в ней смыслом, без которого она не является собственно речью. Написанные или выраженные иным способом знаки не имеют никакого значения, если не опосредованы некоторой составляющей, в качестве которой вводится смысл. Согласно М. Фреде, «грамматика стоиков, казалось бы, является частью теории выражений. Но если мы принимаем эту позицию и пытаемся реконструировать систему грамматики стоиков только на основании имеющих дело со стоической теорией выражений, наш предмет, по-видимому, вновь в опасности исчезнуть из-за потери существа дела. Ибо, чтобы удовлетворительным образом и по существу дела получить систему грамматики, нам нужны многие различия такого рода, обоснование которых можно получить только из стоической теории *lekta*» [Там же. С. 308]. И далее: «Мы можем попытаться обойти эти затруднения, предполагая, что теория выражений у стоиков будет иметь двойника в той части теории *lekta*, которая, очевидно, имеет значение для грамматики» [Там же].

Этот двойник у стоиков действительно есть в теории смысла, т.е. в теории *lekta*. Более того, он как раз и является ведущим. Хотя стоики и говорят, что звучащая речь является началом диалектики, но категории звучащей речи они определяют не с точки зрения того, как могут быть классифицированы знаки, но как раз с точки зрения того, какой смысл в этих знаках может быть представлен. В этом отношении смысл является определяющим, поскольку, с одной стороны, квалифицирует категории выражений, а с другой – наличную предметность, которая может быть выражена. Определенность смысла, опосредующего телесные знаки и окружающую действительность, связывает их, так как именно он решает, что можно считать осмысленным, а что – нет. Категории выражений зависят от полноты смысла, который, в свою очередь, задает полноту предметности, определяя синтаксис выражений. Последние, в свою очередь, могут быть завершенными или незавершенными, полными или неполными, от чего зависит успешность коммуникации. Незавершенный или неполный *to lekton* соотносит выражение с неполной или незавершенной

наличной предметностью, что не позволяет речи выразить определенное состояние дел, но лишь указывает на его фрагменты. К примеру, Диоген Лаэртий пишет о стоиках: «Словом „лектон“ они называют то, что возникает в соответствии с разумным представлением. „Лектон“ бывают законченные и незаконченные. Незаконченные – те, которые имеют неопределенную форму выражения, например: „пишет“ (неясно, кто пишет). Законченные – те, которые имеют определенную форму выражения, например: „Сократ пишет“» [7. С. 96, фр. 181]. Соответственно различию типов *to lekton* различаются и формы его выражения. Как пишет тот же Диоген Лаэртий, «к незаконченным „лектон“ относятся предикаты, к достаточным – высказывания, умозаключения, общие и специальные вопросы. Предикат – то, что высказывается о чем-то, или то, что синтаксически связывается с одной или многими вещами... или неполный „лектон“, в синтаксическом соединении с субъектом образующий высказывание (*axiōta*)» [Там же. С. 97, фр. 183]. А.А. Столяров так передает эту положение стоиков: «„Лектон“ делятся на недостаточные, или неполные, выражаемые либо только субъектом, либо только предикатом, и достаточные, или полные, состоящие из субъекта и предиката (грамматического подлежащего и сказуемого)... На грамматическом уровне высказываниям соответствуют предложения, и грамматические части речи изоморфны видам „лектон“» [8. С. 73].

Различие грамматических категорий в связи с типами *to lekton* является крайне важным, поскольку имеет определяющее значение для собственно логики, хотя она и начинается с изучения речи. Все дело в том, что *to lekton* имеет непосредственное отношение к истине и лжи, с которыми диалектика и ее основная часть – логика, связаны по преимуществу. Но не просто *to lekton*, а именно *to lekton*, выраженный в речи, хотя он и не сводится к ней. Речь является исходным пунктом диалектики, но ведущую роль в ее построении играет смысл. Речь, будучи материальной оболочкой смысла, сама по себе не может быть истинной или ложной. Она является лишь телом. Истина и ложь возникают только тогда, когда одно телесное (речь) связывается с другим телесным (наличной предметностью) посредством смысла. Согласно Сексту Эмпирику, «они сообщают еще, что для того, чтобы могло существовать нечто истинное или ложное, прежде всего должен существовать сам „лектон“, затем он должен быть законченным и не каким попало, но высказыванием (*axiōta*), потому что... только произнося высказывание, мы высказываем нечто истинное или ложное» [7. С. 101, фр. 187]. Наличие истинностного значения является основанием различия полного и неполного *to lekton*, только высказывание (*axiōta*) обладает таковым. То, что не является истинным или ложным, может выступать в качестве составных частей высказывания и выражается категориями субъекта и предиката. Высказывание (*axiōta*) же образуется соединением грамматических категорий субъекта и предиката, на основании чего возникают истинность и ложность.

Аналогичная со стоиками позиция относительно функций языковых выражений, т.е. произнесенных и записанных знаков, характера их соотношения с выраженным ими смыслом (*Sinn*) и его роли в определении грамматических категорий обнаруживается у Г. Фреге. Так же как и у стоиков, логика у него опирается не на онтологические категории, а на понятия истинности и ложности. Само слово «истина», как считает он, направляет логику: «Истина яв-

ляется целью любой науки, но логика связана с ней совсем иным способом. Логика соотносится с истиной примерно так же, как физика – с тяготением и теплотой. Открывать истины – задача любой науки; логика же добывается познания законов истинности» [10. С. 28]. В этом отношении позиция Г. Фреге вполне сопоставима с позицией стоиков, которые, как указывалось выше, также утверждают, что «диалектика – это знание истинного и ложного» [7. С. 65, фр. 122]. Знание истинного и ложного у Г. Фреге так же как и у стоиков, связано «с правилами для признания чего-либо истинным» [10. С. 28], признания в том отношении, что это зависит от объективных сторон того, что познается, и каким образом это делается. Объективность определяется теми сторонами знания, которые не имеют отношения к субъективным способам осуществления познания, но зависят исключительно от особенностей самого познания, поскольку задачей логики он считает «обнаружение законов истинности, а не законов утверждения или мышления» [Там же. С. 29]. Но как это понимать, если утверждается, что истинное и ложное направляют логику? Утверждение или мышление связано с субъективными характеристиками познания. Но то, каким образом было получено знание и какие ресурсы при этом были задействованы, для собственно знания не играет никакой роли.

Субъективный, психологический процесс мышления имеет объективный результат, и этим результатом является знание. В отличие от самого процесса мышления, который у каждого свой, знание является достоянием всех. Процесс мышления, являющийся сугубо субъективным, не сказывается на объективности результата. К примеру, процесс доказательства теоремы Пифагора не отражается на ее содержании. Оно не зависит от того, кто ее доказал, сам Пифагор, или кто-то другой. Знание теоремы Пифагора остается самостоительным и выражено объективно, поскольку данное знание может сформулировать любой, если оно доступно его пониманию. Но сам процесс понимания является субъективным и опять-таки не имеющим отношения к знанию. Знание как таковое имеет объективный характер, который не связан с индивидуальными психическими процессами, но зависит исключительно от содержания, которое является достоянием всех. Однако доступ к подобному содержанию также связан с тем, что объективно, что не зависит просто от индивидуального переживания. Таким универсальным посредником для Г. Фреге выступает язык. Знание всегда выражено в языке, который является его материальной оболочкой и без которого невозможна никакая коммуникация. Язык как совокупность произнесенных или написанных знаков является универсальным способом передачи объективного знания: «Поразительно, что делает язык, выражая немногими слогами необозримое количество мыслей; даже для мысли, схватываемой человеком впервые, он находит такое облачение, в котором она будет понятна тому, для кого является совершенно новой» [11. С. 74]. Когда логика определяется как наука о формах и законах мышления, как правило, имеется в виду, что ее безусловность связана с предустановленными правилами рассуждения, но редко указывается на то, откуда эта нормативность возникает. Для Г. Фреге, так же как и для стоиков, главное заключается в том, что нормативность истины и связанная с ней объективность знания выражены в языке, поскольку последний имеет независимый характер. Ориентация на язык как способ выражения знания позволяет рас-

крывать законы истины: «В законах истинности раскрывается значение слова „истинный“» [10. С. 29]. Именно в языке, как утверждает Г. Фреге, определяется общий способ употребления слова «истина».

Сам по себе язык, однако, если рассматривать его только как последовательность произнесенных или написанных знаков, не является собственно знанием. Язык как совокупность произнесенных или записанных выражений (т.е. то, что в терминологии стоиков называется речью и является первым предметом диалектики) становится знанием только потому, что включает в себе некоторое содержание. Согласно Г. Фреге, в знаках есть нечто большее, чем непосредственно воспринимаемое слухом и зрением: «Знаки, выражающие мысли, могут быть восприняты слухом или зрением, но не сами мысли. Чувственные впечатления могут вести нас к признанию истинности мысли (*Gedanke*)» [12. С. 98]. В данном случае языковые выражения, или речь, выражают нечто, но это нечто к ним ни в коем случае не сводится: «Мы не должны игнорировать глубокую пропасть, которая разделяет уровень языка и уровень мысли (*Gedanke*)» [Там же]. Языковые выражения являются только материальной оболочкой мысли, хотя и объективной. Сами по себе чувственные впечатления, связанные с языковыми выражениями, не служат основанием истинного или ложного знания. Ложное и истинное находятся на другом уровне; чувственно воспринимаемые знаки есть лишь средство доступа к тому, что может быть истинным или ложным.

Произнесенные и записанные знаки – это материальная оболочка, облегчающая доступ к тому, что является собственно знанием и недоступно непосредственному восприятию. В качестве посредника язык позволяет перейти от того, что чувственно, к тому, что таковым не является, «поскольку, с одной стороны, его предложения могут восприниматься чувствами, а с другой стороны, они выражают мысли. Как средство выражения мыслей язык должен быть подобен тому, что происходит на уровне мыслей. Поэтому можно надеяться, что мы в состоянии использовать его в качестве мостика от чувственно воспринимаемого к не воспринимаемому чувствами. Как только мы приходим к пониманию того, что происходит на языковом уровне, мы можем обнаружить, что гораздо легче продолжать и применять то, что мы поняли, к тому, что имеет место на уровне мыслей, – к тому, что отражается в языке» [Там же]. Стало быть, совокупность произнесенных и записанных знаков, что, собственно, и есть язык, представляет собой объективное образование, объективное в том смысле, что является внешним по отношению к субъекту, который воспринимает их посредством органов чувств. Это внешнее является объективным также в том смысле, что оно доступно восприятию другого субъекта, а поэтому может служить общим основанием для постижения того, средством выражения чего оно является. Следует также учесть, что, когда о языке говорится как о материальном и объективном средстве доступа к тому, что он выражает, имеется в виду то, что чувственно воспринимаемые знаки служат не только средством постижения того, что чувственно не воспринимаемо, но также и средством коммуникации, поскольку чувственно воспринимаемые знаки, доступные всем, являются общим основанием понимания выраженного ими содержания. Любое знание может быть усвоено и проанализировано только потому, что оно доступно общему восприятию через посредство языка.

Необходимо, однако, отметить, что исследование способов выражения, т.е. самих материальных знаков, особого значения не имеет; они могут быть произнесены или записаны теми, кто стремится сообщить с их помощью некоторое содержание. В этом отношении знаки есть лишь разные способы выражения. Материальная оболочка как таковая – это лишь средство, она не является самодостаточной. Любая последовательность материальных символов служит исключительно задаче сообщения смысла, и только в перспективе решения этой задачи можно говорить об объективном знании и возможности коммуникации. Само по себе исследование речи или письма как просто материальных знаков не относится к тому, что является собственно темой логики или, в терминологии стоиков, диалектики. Цель логики Г. Фреге, так же как и диалектики стоиков, – смысловое содержание, которое может быть выражено в языке. Язык в качестве основания логики и диалектики выступает только материальным посредником, позволяющим получить доступ к тому, с чем, собственно, имеет дело логика: «Предложение, написанное автором, первоначально направлено на образование предложения, высказанного в языке, последовательности звуков которого служат в качестве знаков для выражения смысла. Поэтому с самого начала существует только опосредованная связь между записанными знаками и выраженным смыслом. Но как только эта связь установлена, мы можем рассматривать записанное или напечатанное предложение уже как непосредственное выражение мысли (*Gedanke*), а потому как предложение в строгом смысле слова» [12. С. 99]. Произнесенные или записанные знаки здесь рассматриваются в качестве выражений языка только потому, что они несут в себе какой-то определенный смысл. Более того, последовательность материальных элементов (звуков, к примеру) рассматривается как язык только потому, что они становятся знаками, поскольку выражают некоторый смысл. Язык становится языком только тогда, когда материальные знаки выражают нечто нематериальное, смысл (*Sinn*).

Заметить очевидное сходство в понимании роли речи у стоиков и роли языка у Г. Фреге для диалектики и логики соответственно совсем не трудно, поскольку речь и язык в обоих случаях понимаются аналогичным образом, как совокупность произнесенных или написанных знаков. Понимание этой роли совпадает по крайней мере в следующих важных пунктах.

1. Именно язык является исходным пунктом логического исследования. Не заданные а priori конструкции, касающиеся онтологических категорий, таких как «сущность» или «привходящее» у Аристотеля, определяют структуры, важные для правильного рассуждения, но понятие истинности, которое проявляется в языке относительно определенных языковых выражений. Онтологические категории здесь не имеют никакого значения, поскольку главную роль играют языковые конструкции, в которых они могут быть выражены.

2. Эти языковые конструкции являются объективными в том смысле, что могут быть доступны всем, поскольку являются чувственно воспринимаемыми образованиями, внешними по отношению к тому, кто их использует в качестве средства коммуникации. Знаки, произнесенные или написанные, есть просто намерение что-то сообщить. Язык важен не просто сам по себе, но является объективным посредником, сообщая то, что чувственно не воспринимаемо.

3. Язык, или речь, служит чувственно воспринимаемым средством и позволяет выразить посредством материальных знаков то, что, собственно, и является знанием. Само же знание не является чувственно воспринимаемым, но, выражаясь в знаках, является объективным основанием коммуникации. Причем коммуникация ориентирована не на способности коммуникантов, но на возможность выразить в знаках объективный смысл.

4. Объективное содержание, выраженное в языке (*Sinn*) у Г. Фреге или передаваемое речью *to lekton* у стоиков, определяет, каким образом относится то, что выражается, к тому, что выражено. Смысл (*Sinn*) у Г. Фреге, так же как и *to lekton* у стоиков, должен соотноситься с тем, что есть, с наличной предметностью, как бы эта предметность ни понималась. Наличная предметность стоиков, данная в каталептическом представлении, отличается от того, что по этому поводу думает Г. Фреге [5], но связь с действительностью все-таки должна быть, поскольку разумное рассуждение относится к тому, что есть.

5. Отношение к тому, что есть, связано с характеристиками языка. И не просто с характеристиками языка, но с тем, что можно рассматривать как определение категорий языка, с тем, что задает его структуру. Смысловое содержание языковых выражений категориально структурировано, и именно оно с точки зрения своей категориальной структурированности определяет грамматическое структурирование языка вообще или речи как особого случая языка в частности.

Последний пункт особенно важен, поскольку он наиболее четко прослеживает аналогию между логико-грамматическими идеями стоиков и семантической теорией Г. Фреге. Удивительно уже то, что смысл у Г. Фреге, как и *to lekton*, служит для выделения логико-грамматических категорий. Вернее, смысл (*Sinn*) в совокупности с речью. Язык является исходным пунктом. Но сам по себе он является лишь способом передачи смысла, а смысл для логики или диалектики как раз и является тем, что нужно. Грамматические категории придают речи структуру, но они не сообщают ей смысл. Речь становится осмысленной только тогда, когда выражает некоторое содержание, понятное тому, кто говорит, и тому, кто воспринимает. Восприятие посредством речи смысла (*Sinn*) – немаловажный и даже вполне определяющий факт, поскольку именно он определяет грамматические категории. Чувственные впечатления не являются основанием признания истинности, истинным признается нечто только тогда, когда оно выходит за рамки чувственного, за рамки того, что воспринимается просто чувствами, но постижимо совсем другим образом. То, что выражено в языке, постигается через совокупность знаков, но таковым не является. Смысл (*Sinn*) выражен в знаках, произнесенных или написанных, но не сводится к ним. Грамматические категории языка коррелированы с логическими категориями смысла и у стоиков, и у Фреге. Вопрос о том, каким образом эта корреляция отражается на структуре разрабатываемых ими логических теорий крайне интересен, но он выходит за рамки данной работы. Это тема уже другого исследования.

Литература

1. Суровцев В.А. О соотношении категорий *to lekton* в философии стоиков и *Sinn* в семантической теории Г. Фреге // ΣΧΟΛΗ (Scholē). 2015. № 9.2. С. 241–252.

2. Mates B. *Stoic Logic*. Berkeley ; Los Angeles, 1961.
3. Graeser A. The Stoic theory of meanings // *The Stoics* / ed. J.M. Rist. Berkeley : University of California Press, 1978. С. 77–100.
4. Суровцев В.А. О соотношении категорий *to lekton* в философии стоиков и *Sinn* в семантической теории Г. Фреге: вопрос об их онтологическом статусе // *ΣΧΟΛΗ (Schole)*. 2016. № 10.2. С. 422–440.
5. Суровцев В.А. О соотношении категорий *to lekton* в философии стоиков и *Sinn* в семантической теории Г. Фреге: вопрос об их эпистемологическом статусе // *ΣΧΟΛΗ (Schole)*. 2018. № 12.2. С. 499–522.
6. Аристотель. Категории // Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1978. Т. 2. С. 51–90.
7. *Фрагменты ранних стоиков*. М. : «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1999. Т. II, ч. 1.
8. Столяров А.А. Стоя и стоицизм. М. : АО КАМИ ГРУП, 1995. 448 с.
9. Frede M. *Principles of Stoic Grammar* // *Essays in Ancient Philosophy*. University of Minnesota, 1987. С. 301–337.
10. Фреге Г. Мысль: логическое исследование // *Логико-философские труды*. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2008. С. 28–54.
11. Фреге Г. Логические исследования. Часть третья: Сложная мысль // Фреге Г. *Логико-философские труды*. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2008. С. 74–95.
12. Фреге Г. Логическая всеобщность // Фреге Г. *Логико-философские труды*. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2008. С. 96–101.

Valeriy A. Surovtsev, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: surovtsev1964@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 113–125.

DOI: 10.17223/1998863X/52/12

TO LEKTON IN STOIC PHILOSOPHY AND SINN IN GOTTLob FREGE'S SEMANTIC THEORY: A LOGICAL AND GRAMMATICAL ASPECT

Keywords: Stoic's logic; *to lekton*; Gottlob Frege; *Sinn*; semantic theory; *axiōma*; *Gedanke*; comparative studies; ancient and contemporary logic.

The article deals with the comparative analysis of the Stoic category *to lekton* and Gottlob Frege's category *Sinn*. This article explicates some formal features of these categories, which demonstrate similarity between the Stoic and Frege's logical theories. It is demonstrated that some logical and grammatical features of the functioning of the Stoic *to lekton* and Frege's *Sinn* give opportunities to elucidate the role they play in logical interconnections of knowledge.

References

1. Surovtsev, V.A. (2015) *To lekton in stoic philosophy and sinn in G. Frege's semantic theory: The question of their relationship*. *ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 9.2. pp. 241–252. (In Russian).
2. Mates, B. (1961) *Stoic Logic*. Berkeley and Los Angeles: [s.n.].
3. Graeser, A. (1978) The Stoic theory of meanings. In: Rist, J.M. (ed.) *The Stoics*. Berkeley: University of California Press. pp. 77–100.
4. Surovtsev, V.A. (2016) *To lekton in stoic philosophy and sinn in G. Frege's semantic theory: The question of their ontological status*. *ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 10.2. pp. 422–440. (In Russian). DOI: 10.21267/AQUILO.2016.10.2952
5. Surovtsev, V.A. (2018) *To lekton in stoic philosophy and sinn in g. Frege's semantic theory: the question of their epistemological status*. *ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 12.2. pp. 499–522. (In Russian). DOI: 10.21267/schole.12.2.12
6. Aristotle. (1978) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols]. Vol. 2. pp. 51–90.
7. Chrysippus of Soli. (1999) *Fragmentsy rannikh stoikov* [Fragments of the Early Stoics]. Vol. 2. Translated from Ancient Greek by A.A. Stolyarov. Moscow: Greko-latinskij kabinet Yu.A. Shichalina.
8. Stolyarov, A.A. (1995) *Stoya i stoitsizm* [Stoicism]. Moscow: AO KAMI GRUP.

9. Frede, M. (1987) *Essays in Ancient Philosophy*. University of Minesota. pp. 301–337.
10. Frege, G. (2008a) *Logiko-filosofskie trudy* [Logical and philosophical works]. Translated from German. Novosibirsk: Sibirskoe univiversitetskoe izd-vo. pp. 28–54.
11. Frege, G. (2008b) *Logiko-filosofskie trudy* [Logical and philosophical works]. Translated from German. Novosibirsk: Sibirskoe univiversitetskoe izd-vo. pp. 74–95.
12. Frege, G. (2008c) *Logiko-filosofskie trudy* [Logical and philosophical works]. Translated from German. Novosibirsk: Sibirskoe univiversitetskoe izd-vo. pp. 96–101.